

С.Ф. Годлевский

Смерть Неволлина и его скитания по Сибири

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С11 **С.Ф. Годлевский**
Смерть Неволлина и его скитания по Сибири / С.Ф. Годлевский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 244 с.

ISBN 978-5-458-06489-7

1. Отчего он погиб? 2. Судьба. 3. Женщины в изгнании. 4. Падшие ангелы. 5. Амурские лихачи. 6. Белуга. 7. Призрак. 8. Смерть - пробуждение.

ISBN 978-5-458-06489-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Здѣсь, на свѣжей могильной насыпи, почти у самой ограды, сидѣла съ опущенной головой какая-то женщина въ старомъ полинявшемъ платьѣ, а рядомъ, точно ягнята въ бурю, прижались другъ къ другу ея дѣти. Женщина съ такой тревогой взглянула на меня, что я поспѣшилъ отойти подальше. Я направился, было, къ выходу, но опять невольно заслушался похороннаго пѣнія, доносившагося изъ небольшой деревянной церкви.

Мною овладѣло какое-то непонятное чувство; я точно ждалъ чего-то и не зналъ куда идти. Въ эту минуту вдругъ раздался пронзительный свистокъ; вдали, за кладбищенской оградой пронесся желѣзно-дорожный поѣздъ, съ стоящими на площадкахъ вагоновъ пассажирами, замелькали вагоны и клубы густого дыма. Вскорѣ все стихло; опять послышалось стройное заунывное пѣніе, и я вошелъ въ широко открытыя двери церкви, на половину уставленной большими и маленькими, богато-убранными и простыми досчатыми гробами.

Отпѣваніе кончилось. Раздался призывъ священника къ прощанію съ покойниками, и среди всеобщаго смятенія начался ужасный обрядъ преданія землѣ. Одни плакали такъ горько, какъ будто разставались съ послѣднею надеждою, другіе точно замерли подъ гнетомъ безысходнаго отчаянія. Были и скучающіе, и равнодушные, и всецѣло занятые мыслью о наслѣдствѣ. Какой-то купчикъ изъ породы саврасовъ и молодая дѣвушка, поглядывая другъ на друга съ видомъ влюбленныхъ заговорщиковъ, напрасно старались скрыть свою радость. Должно быть смерть со всѣми ея ужасами представлялась ихъ наивному уму чѣмъ то непонятнымъ и даже забавнымъ, или, можетъ быть, они хоронили старика-самодура, мѣшавшаго ихъ счастью?

Лица мертвыхъ и живыхъ, улыбки и рыданія, запахи тлѣнія и ладана—все промелькнуло, какъ въ страшномъ сновидѣніи.

Одна за другой поднимались крышки гробовъ, и выглядывали лица невѣдомыхъ покойниковъ, съ выраженіемъ неземнаго спокойствія и таинственнаго недоумѣнія въ застывшихъ чертахъ, точно удивленныхъ, зачѣмъ тревожатъ ихъ покой.

Пять, десять, двадцать! Цѣлая толпа покойниковъ! Они точно собрались сюда въ церковь на послѣднее свиданіе съ разныхъ концовъ Петербурга, изъ роскошныхъ квартиръ и темныхъ угловъ.

И вдругъ среди усопшихъ я съ изумленіемъ увидѣлъ знакомое лицо своего незабвеннаго учителя, лучшаго друга моего печальнаго, одинокаго дѣтства. Ужасная встрѣча!

Давно мы разстались, но я сразу узналъ его спокойное, печальное лицо, и никогда еще смерть не казалась мнѣ такой неразрѣшимой мучительной загадкой... У его гроба стояла какая-то женщина, я подошелъ къ ней, хотѣлъ спросить о послѣднихъ дняхъ его жизни и отъ волненія не могъ. Слезы душили меня... Я опомнился только за воротами кладбища, среди шума и толкотни столичной улицы.

II.

Эта странная встрѣча съ покойникомъ очень меня разстроила. Втеченіи нѣсколькихъ послѣдующихъ дней я не могъ успокоиться. Образъ Неволина (такъ звали моего покойнаго учителя) преслѣдовалъ меня не только наяву, но даже во снѣ. Мнѣ снилось, что я сижу у постели больного Неволина въ мрачной убогой

квартирѣ... Онъ мечется и стонетъ въ бреду, а я не въ силахъ ему помочь... Вдругъ изъ за ширмъ появляется какая-то женщина съ строгимъ, блѣднымъ лицомъ и печальными, зловѣщими глазами. Она неслышно прокрадывается къ постели больного, тревожно оглядывается кругомъ, не замѣчая моего присутствія, и, внезапно схвативъ его за горло, начинаетъ душить своими нѣжными бѣлыми руками. Я пытаюсь броситься на помощь, но отъ ужаса не могу пошевелиться; хочу крикнуть, но слова замираютъ на губахъ... Этотъ странный безобразный кошмаръ повторился два раза подъ рядъ и какое-то смутное, безотчетное подозрѣніе не давало мнѣ покоя, хотя я прекрасно понималъ, что такой безобидный, кроткій человѣкъ, какъ Неволинъ, не могъ никому стать на дорогѣ и возбудить противъ себя непримиримую вражду. Но въ судьбѣ его и въ смерти чувствовалось нѣчто трагическое, быть можетъ, потому, что онъ былъ страшно одинокъ и какъ-то мало походилъ на окружающихъ людей, и эта обособленность, помнится, больше всего меня и привлекла къ нему на первыхъ же порахъ. Онъ произвелъ на меня такое сильное впечатлѣніе, что навсегда остался для меня близкимъ человѣкомъ... Но почему же другіе его чуждались и до могилы его никто не провожалъ, за исключеніемъ какой-то женщины, быть можетъ, попавшей на его похороны случайно? Мнѣ вспомнилась невеселая юность Неволина, и я отъ души пожалѣлъ бѣднаго мечтателя. Несчастный! Онъ всецѣло принадлежалъ къ той великолѣпной, рѣдкой, какъ бѣловѣжскій зубръ, и нынѣ повсемѣстно вымирающей породѣ неисправимыхъ идеалистовъ, которые, несмотря на жестокіе пинки и удары жизни, до конца своихъ дней не хотятъ понять, что

„своя рубашка ближе къ тѣлу“ и что „лучше синица въ рукахъ, чѣмъ журавль на небѣ“. А въ скорби подобныхъ чудаковъ, какъ и въ дѣтскомъ горѣ, есть что-то особенно трогательное, быть можетъ, оттого, что они менѣе всего способны страдать по своей винѣ и передъ жизнью иногда до смѣшного безпомощны. Не мало тяжкихъ потрясеній и жгучихъ обидъ пришлось испытать Неволину въ такіе годы, когда другіе не знаютъ еще горя. Но онъ сохранился какимъ-то чудомъ. Въ немъ не было замѣтно никогда ни злобы, ни презрѣнія къ людямъ. Его удивительное спокойствіе и простота въ обращеніи поразили меня съ первой же встрѣчи. Вспоминая его прошлое, я всегда удивлялся, какъ онъ не растратилъ своихъ силъ въ вѣчной погонѣ за кускомъ хлѣба, какъ могъ онъ сберечь юношескую вѣру и теплоту чувствъ въ наше тяжелое время, когда люди мечутся во всѣ стороны, точно угорѣлые, увлекаясь попеременно то мистицизмомъ, то нигилизмомъ, то пессимизмомъ. Горькая нужда, одиночество и преждевременныя житейскія заботы заставили Неволина еще въ дѣтствѣ серьезно взглянуть на жизнь. Отца онъ совсѣмъ не зналъ, матери лишился слишкомъ рано, и воспоминаніе о блѣдной женщинѣ съ печальными глазами долго преслѣдовало его, разгоняя золотые сны дѣтства. Кое-какъ, чуть не съ 3 класса пробавляясь грошевыми уроками, Неволинъ окончилъ гимназію и въ началѣ 70-хъ годовъ 17 лѣтнимъ юношей явился въ Петербургъ съ небольшою котомкой подъ мышкой и нѣсколькими сколоченными на дорогу рублями.

Въ то время двери Медицинской Академіи были еще широко открыты; отъ платы за лекціи освобождали всѣхъ желающихъ, и Неволинъ воспользовался этимъ.

записавшись въ число студентовъ. Но тутъ, на первыхъ же порахъ, онъ встрѣтился съ неумолимою столичною нуждою. Безъ приличнаго платья нельзя было найти даже плохихъ уроковъ. Приходилось браться за всякую работу: выкраивать ножницами этикетки и ярлыки для бутылокъ по рублю за тысячу, корпѣть надъ грошевыми переводами и перепиской, не досыпая ночей, задыхаясь въ душномъ углу и питаясь, чѣмъ попало, въ дешевыхъ столовыхъ. А нищета, подобно пауку, зорко подстерегала свою жертву, незамѣтно опутывая ее неувимыми нитями и высасывая изъ нея послѣднія силы. Съ наступленіемъ ненастныхъ осеннихъ дней Неволинъ простудился, слегъ въ постель и по выходѣ изъ больницы очутился на улицѣ въ лѣтнемъ пальто, въ стоптанныхъ сапогахъ и въ легкой пуховой шляпѣ съ громадными полями.

Настала суровая, непостоянная петербургская зима съ мятелями и морозами, и бѣдному студенту пришлось бы совсѣмъ плохо, если бы одинъ изъ школьныхъ товарищей не надѣлилъ его пледомъ, замѣнявшимъ шубу, одѣяло и подушку. И всѣ невзгоды въ то время проходили для Неволина незамѣтно; его спасала отъ озлобленія и отчаянія непоколебимая вѣра въ идеаль, любовь къ истинѣ, стремленіе къ знанію и молодость, согрѣвавшая его не хуже теплыхъ пледовъ и дорогихъ шубъ. Одинокій, голодный, озябшій онъ никогда не испытывалъ позорнаго страха за свою шкуру и мелочныхъ заботъ, преслѣдующихъ подчасъ даже сильныхъ міра сего.

Казалось, онъ не сознавалъ своего положенія. Ежедневно, утромъ, онъ отправлялся на лекціи, потомъ— въ публичную бібліотеку, гдѣ въ дальнемъ углу гро-

мадной залы проводилъ все свободное время въ размышленіи и чтеніи, усердно исписывая объемистыя тетради разными научными цитатами и замѣтками, пока громкій звонокъ сторожа не напоминалъ объ окончаніи занятій. Неволинъ уходилъ неохотно: въ величественныхъ мрачныхъ залахъ библіотеки онъ чувствовалъ себя, какъ дома, уютно и тепло. Даже сторожа и посѣтители къ нему привыкли и смотрѣли съ участливымъ любопытствомъ на бѣднаго задумчиваго студента. Полюбилъ его и добродушный старикъ-библіотекаръ, открывшій ему доступъ къ самымъ рѣдкимъ сокровищамъ библіотеки, хранившимся въ недоступныхъ для публики комнатахъ. Тамъ, среди громадныхъ шкаповъ съ книгами, замиралъ неугомонный гулъ столицы и какъ будто чувствовалось бессмертное вѣяніе человѣческой мысли, придававшей глубокой таинственный смыслъ и стариннымъ портретамъ въ потемнѣвшихъ рамахъ, и чудной статуѣ Вольтера съ застывшей демонической улыбкой на старческихъ губахъ. А на улицѣ Неволина точно поджидала холодная, разнузданная петербургская ночь. Среди глухого таинственнаго шума, при мерцающемъ обманчивомъ блескѣ уличныхъ фонарей, подобно призракамъ, мелькали, исчезая вдали, тысячи прохожихъ, и чувство одиночества съ такою силою охватывало бѣднаго мечтателя, какъ будто судьба забросила его въ невѣдомую сказочную страну или на какую-нибудь необитаемую планету. Однако, неумолимый голодъ и морозъ своими безцеремонными щипками грубо напоминали ему о печальной дѣйствительности. Если въ карманахъ случайно оказывалась мелочь, Неволинъ спѣшилъ купить въ ближайшей мелочной лавочкѣ кусокъ хлѣба или

пирога и съѣдалъ его тутъ же, на улицѣ, чтобы не явиться съ волчьимъ аппетитомъ къ своимъ тоже нерѣдко голодавшимъ товарищамъ. И сколько разъ морозная, глухая ночь заставляла его на улицѣ! Въ тяжелыхъ и напрасныхъ поискахъ за теплымъ угломъ и за ночлегомъ Неволину иногда приходилось побывать у товарищей и на Пескахъ, и на Васильевскомъ островѣ, и въ Коломнѣ, и на Петербургской сторонѣ. И часто лишь по утру, послѣ долгихъ поисковъ, усталый онъ беззаботно сладко засыпалъ гдѣ-нибудь въ холодной тѣсной конурѣ на старомъ продавленномъ диванѣ или на стульяхъ; случалось иногда съ горя и выпить въ компаніи не унывающихъ студентовъ. Сколько при этомъ раздавалось самыхъ беззаботныхъ шутокъ и безобидныхъ остротъ! Однако и молодость не устояла передъ ужасной нищетой. Къ веснѣ Неволинъ совсѣмъ занемогъ, нѣсколько разъ его поднимали въ обморокѣ на улицахъ. Наконецъ, онъ рѣшился обратиться къ извѣстному профессору. Въ громадной приѣмной онъ нашелъ цѣлую толпу больныхъ. Пришлось ждать нѣсколько часовъ, приѣмъ затянулся до полуночи. Неволинъ своимъ изнуреннымъ видомъ поразилъ даже привычнаго къ людскимъ страданіямъ и болѣзнямъ старика-профессора.

— Да у васъ вмѣсто внутренностей какія-то болѣзненные опухоли, — воскликнулъ тотъ послѣ внимательнаго осмотра. Чѣмъ вы питаетесь? камнями, соломой?

— Нѣтъ, хлѣбомъ, невозмутимо отвѣчалъ Неволинъ.

— Поѣзжайте немедленно въ деревню. Чего вамъ здѣсь торчать, убѣждалъ его профессоръ. Бросьте пока занятія и кушайте побольше, иначе вы и мѣсяца не проживете.

— Вѣроятно, но у меня нѣтъ выхода. Я объ одномъ прошу: нельзя ли какъ-нибудь облегчить бесполезныя страданія, вѣдь есть же у васъ болеутоляющія средства.

— Да какія тутъ средства, когда вы умираете съ голоду, чудакъ вы эдакой,—вспылить докторъ.—Еще разъ повторяю: вамъ необходимо уѣхать за подножный кормъ. А устроить это ничего не стоитъ, поэтому прошу васъ слушаться безъ лишнихъ разговоровъ.

И дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней, благодаря своимъ обширнымъ знакомствамъ, профессоръ успѣлъ пристроить Неволина учителемъ на лѣто въ семью крупнаго петербургскаго чиновника, моего дяди, у котораго я въ то время воспитывался.

III.

Жили мы тогда на дачѣ въ Петергофѣ.

Помню, какой переполохъ вышелъ, когда Неволинъ, въ своей неизмѣнной шляпѣ съ неимоვნю широкими полями и въ полинявшемъ пальто, съ небольшой котомкой и связкой какихъ-то бумагъ подъ мышкой, появился на террасѣ нашей петергофской дачи среди многочисленнаго изящнаго общества, замѣтившаго сразу, что у этого страннаго человѣка нѣтъ ни сюртука, ни крахмальныхъ воротничковъ, ни галстука, вмѣсто котораго на шеѣ болтался обрывокъ простого шнурка, продѣтаго въ петли ночной рубахи, далеко не первой свѣжести. Въ довершеніе всеобщаго изумленія и ужаса, на вопросъ о багажѣ, Неволинъ невозмутимо отвѣтилъ, что у него никакого багажа нѣтъ.

Въ тотъ же день вечеромъ по этому случаю состоялся чрезвычайный домашній совѣтъ. Больше всѣхъ

волноволся дядя-сановникъ, настаивая на немедленномъ удаленіи такого опаснаго чловѣка.

— Помилуйте, да это революціонеръ, это бѣглый санкюлотъ,—восклицалъ онъ въ ужасѣ,—какія могутъ быть убѣжденія у чловѣка, не имѣющаго даже галстуха и осмѣливагося явиться въ приличный домъ въ ночной рубашкѣ. Какія правила подобный господинъ можетъ внушить нашимъ дѣтямъ! Разумѣется, неловко его сразу прогнать, но что же дѣлать... Ну, дать ему на дорогу рублей десять...

Но эта тирада была внезапно прервана и всѣ смущенно переглянулись. Въ комнату вошелъ Неволинъ. Случайно онъ слышалъ послѣднія слова и, конечно, догадался въ чемъ дѣло... Едва замѣтная тѣнь промелькнула по его спокойному лицу. Онъ поспѣшилъ уйти и вдругъ вся эта сцена, точно озаренная ослѣпительнымъ свѣтомъ молніи, поразила меня. Мнѣ стало и больно, и стыдно, и страшно. Хотѣли грубо прогнать этого бѣдняка-учителя, который сразу, точно по наитію, сдѣлался для меня ближе и дороже всѣхъ на свѣтѣ. Захлебываясь отъ рыданій, прерывающимся голосомъ, я умолялъ не обижать его, наивно увѣряя, что иначе вмѣстѣ съ нимъ уйду и я. Всѣ расхохотались и, точно сговорившись, сразу порѣшили оставить чудака въ покоѣ, до поры до времени. Мнѣ стоило большого труда уговорить его не оставлять меня. Онъ совсѣмъ было собрался уѣхать и только мои слезы тронули его. А черезъ двѣ, три недѣли Неволинъ покорилъ всѣхъ въ домѣ. Даже старый камердинеръ Антонъ, встрѣтившій бѣднаго студента съ высокообріемъ посѣдѣвшаго на службѣ барскаго лакея, въ концѣ концовъ, заговорилъ съ нимъ по-человѣчески, отрѣ-

шившись на время отъ своего профессиональнаго наглаго подобострастія.

Главное, что всѣхъ рѣшительно, а меня особенно, подкупило въ Неволинѣ—это его правдивость и простота въ обращеніи.

Я помню, какъ я еще ребенкомъ тосковалъ и мучился послѣ того, какъ убѣдился, что всѣ окружавшіе меня близкіе люди, точно стоворившись, обманывали меня и глупо, безцѣльно лгали, иногда только для того, чтобы посмѣяться надъ моимъ легковѣріемъ. Лгала старая няня, пугая букой и домовымъ, лгала гувернантка, рассказывая разныя небылицы о старикахъ, приносящихъ подарки съ неба послушнымъ дѣтямъ и наказывающихъ шалуновъ; лгали родные и знакомые, читая наперерывъ правоучительныя наставленія, надъ которыми сами же втихомолку глумились. Легкомысленная ложь чувствовалась въ безднѣ никому не нужныхъ мелочей и взаимныхъ обмановъ. и въ этомъ отношеніи Неволинъ, не лгавшій никогда даже въ шутку, представлялся рѣдкимъ исключеніемъ. „Это удивительный въ своемъ родѣ чужакъ, не то мечтатель, витающій въ облакахъ, не то большой ребенокъ“, замѣтилъ однажды дядя.

— „Ахъ, какъ онъ срѣзалъ меня на-дняхъ,—разсмѣялась тетюшка.—Пригласила я его какъ то въ паркъ, захотѣлось пройтись, былъ чудный вечеръ; ты, какъ всегда, уѣхалъ по дѣламъ; одной или съ лакеемъ гулять скучно и неловко, а онъ, можешь представить, отказался провожать меня; вы, говоритъ, когда меня нанимали учителемъ, не предупредили, что я, кромѣ того, обязанъ сопровождать васъ въ отсутствіи мужа. Дерзкій студентъ!—замѣтила она съ забавной грима-